

Карабчевский Николай Платонович

Речи 1882-1901

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Платонович К.**
Речи 1882-1901 / Карабчевский Николай Платонович – М.: Книга по Требова-
нию, 2022. – 447 с.

ISBN 978-5-519-88155-5

ISBN 978-5-519-88155-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Вмѣсто предисловія	УП
Интендантское дѣло	1
Рѣчь въ защиту В. П. Максеева	3
Дѣло поручика Имшенецкаго	65
Рѣчь въ защиту В. М. Имшенецкаго	69
Дѣло московскихъ купцовъ А. и Н. Поповыхъ, обвиняемыхъ въ мошенничествѣ	95
Рѣчь въ защиту братьевъ А. и Н. Поповыхъ	101
Дѣло Ольги Палемъ	119
Рѣчь въ защиту Ольги Палемъ	124
Рѣчь, произнесенная въ Сенатѣ по дѣлу Ольги Палемъ	196
Дѣло дворянина Александра Шинкина	214
Рѣчь въ защиту А. К. Шинкина	217
Дѣло мултанскихъ вотяковъ	230
Рѣчь въ защиту мултанскихъ вотяковъ	240
Дѣло Вадима Бутми-де-Кацмана	304
Рѣчь въ защиту В. Бутми-де-Кацмана	308
Дѣло армянина Киркора Гульгульяна	329
Рѣчь въ защиту Киркора Гульгульяна	330
Дѣло о погромахъ въ еврейской колоніи Нагартовъ и въ посадѣ Березноговатомъ	343
Рѣчь въ защиту потерпѣвшихъ отъ погрома въ еврейской коло- ніи Нагартовъ	345
Дѣло братьевъ Скитскихъ	350
Рѣчь въ защиту братьевъ Скитскихъ, произнесенная въ г. Харь- ковѣ	354
Рѣчь, произнесенная въ Сенатѣ по дѣлу братьевъ Скитскихъ	381
Рѣчь въ защиту бр. Скитскихъ, произнесенная въ г. Полтавѣ	400
Дѣло Александра Тальма	424
Рѣчь въ защиту интересовъ осужденнаго А. Л. Тальма	427

Дата — 1882-ой годъ, стоящая на обложкѣ книги, не имѣетъ иного значенія, какъ только то, что первая защитительная рѣчь, изъ числа попавшихъ въ эту книгу, относится именно къ этому году, т. е. къ сравнительно раннему періоду моей адвокатской дѣятельности. Но не съ этого времени началась моя адвокатская карьера, такъ какъ въ число помощниковъ присяжнаго повѣреннаго я вступилъ въ концѣ 1874 года, а званіе присяжнаго повѣреннаго ношу съ конца 1879 года.

Принадлежа по складу своего темперамента и характера не къ числу ораторовъ, заранѣе пишущихъ произносимыя ими затѣмъ рѣчи, я былъ поставленъ въ весьма затруднительное положеніе, когда затѣялъ издать свои „Рѣчи“. Я долженъ былъ ограничиться исключительно тѣмъ матеріаломъ, который былъ воспроизведенъ стенографически или, будучи своевременно возстановленъ по замѣткамъ и конспектамъ, попалъ въ печать.

Не слѣдуетъ поэтому смотрѣть на собранныя въ этой книгѣ рѣчи, какъ на избранныя и особо нами цѣнимыя.

Это — лишь случайно уцѣлѣвшія (вмѣстѣ еще съ нѣсколькими, не попавшими въ эту книгу) рѣчи, изъ множества другихъ такихъ-же, произнесенныхъ по судебнымъ дѣламъ, рѣчей въ пылу тревожной судебной борьбы, которая утрачиваетъ почти все свое значеніе, какъ только достигается ея цѣль — какъ только правосудіе скажетъ свое рѣшающее слово.

Что-же можетъ побуждать судебного оратора печатать свои случайно уцѣлѣвшія рѣчи, если онъ самъ не видитъ въ нихъ „образцовъ“ ораторскаго искусства? Судебное краснорѣчіе — краснорѣчіе особаго рода. На него нельзя смотрѣть лишь съ точки зрѣнія эстетики. Вся дѣятельность судебного оратора — дѣятельность боевая. Это — вѣчный турниръ передъ возвышенной и недостигаемой „дамой съ повязкой на глазахъ“. Она слышитъ и считаетъ удары, которые наносятъ другъ другу противники, угадываетъ и какимъ орудіемъ они наносятся...

Развѣ не естественно желать сохранить хоть „на память“ случайно сохранившіеся образцы того оружія, которымъ приходилось сражаться всю жизнь.

Ник. Карабчевскій.

С.-Петербургъ
Апрѣль 1901 г.

„Интендантское дѣло“.

Подъ этимъ краткимъ наименованіемъ въ зданіи Петербургскаго Военно-Окружнаго Суда въ 1882 году, втеченіе двухъ мѣсяцевъ (съ 18-го февраля по 17 апрѣля) длился настоящій «процессъ-монстръ».

Суду Особаго Присутствія Петербургскаго Военно-Окружнаго Суда были преданы 16 лицъ интендантовъ и подрядчиковъ, во главѣ съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Валеріаномъ Платоновичемъ Макшеевымъ, бывшимъ окружнымъ интендантомъ, такъ называемаго, «рущукскаго отряда» нашей дѣйствующей арміи въ послѣднюю турецкую войну. Рущукскій отрядъ, которымъ командовалъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, въ послѣдствіи Государь Императоръ Александръ III, начальникомъ штаба при которомъ состоялъ генералъ-маіоръ И. С. Ванновскій, въ послѣдствіи военный министръ, занималъ особо самостоятельное положеніе и былъ, благодаря своимъ стратегическимъ задачамъ, какъ бы изолированнымъ отъ всей остальной дѣйствующей арміи. Въ связи съ этимъ и дѣятельность состоявшаго при отрядѣ интенданта д. с. с. Макшеева носила характеръ значительной самостоятельности и какъ бы обособленности отъ общей военно-полевой интендантской организаціи, во главѣ которой въ началѣ кампаніи стоялъ полевой интендантъ дѣйствующей арміи дѣйствительный статскій совѣтникъ Аренсъ, а съ Ноября 1877 года тайный совѣтникъ Россицкій. Лица эти фигурировали въ процессѣ въ качествѣ свидѣтелей, равно какъ и генералъ-лейтенантъ Ванновскій, бывший въ то время уже военнымъ министромъ, допросъ котораго былъ произведенъ Судомъ въ присутствіи сторонъ и подсудимаго д. с. с. Макшеева, въ зданіи военного министерства.

Многочисленное слѣдственное дѣло, обязанное своимъ происхожденіемъ особой слѣдственной комиссіи, дѣятельность которой возникла тотчасъ же по окончаніи войны, благодаря свѣдѣніямъ полученнымъ отъ полевого контроля, организованнаго впервые при дѣйствующей арміи, обнимало собою дѣятельность рѣшительно всего интендантскаго вѣдомства минувшаго военного времени.

До судебного разсмотрѣнія весь этотъ любопытный матеріалъ, однако, не дошелъ, такъ какъ преданіе суду ограничилось лишь 16 лицами, и судебному изслѣдованію была представлена лишь та часть слѣдственного дѣла, которая имѣла непосредственное отношеніе къ продовольствію рущукскаго отряда и касалась исключительно порядковъ мѣстнаго интендантства.

Въ минувшую турецкую войну, какъ извѣстно, главнымъ (одно время даже исключительнымъ) поставщикомъ для всей дѣйствующей арміи должна была явиться особая компанія предпринимателей, подъ наименованіемъ «Товарищество Грегерь Горвицъ и Комп.» Дѣятельность ея не вошла въ кругъ судебного разсмотрѣнія, такъ какъ она имѣла отношеніе къ общей военно-полевой организаціи, во главѣ которой стояли лица, суду не преданные.

Подсудимыми по данному дѣлу явились такимъ образомъ: окружный интендантъ руцукскаго отряда д. с. с. Макшеевъ, помощникъ его полковникъ Пріоровъ, интендантскіе чиновники Карасевичъ, Шестаковъ, Тутковичъ, Навроцкій, Шпицбартъ, Крейеръ, Акимовъ, Чоголковъ и Коньковъ и поставщики и подрядчики руцукскаго отряда: купцы Вольштейнъ, Варшавскій, Каминка, Хотимскій и Ауербахъ.

Мы не приводимъ здѣсь даже краткаго содержанія объемистаго (400 страницъ) обвинительнаго акта, такъ какъ думаемъ, что изъ печатаемой ниже рѣчи, произнесенной въ защиту главнаго обвиняемаго д. с. с. Макшеева, обвиняющей собою рѣшительно всю фактическую сторону дѣла, основными положенія обвиненія будутъ сами по себѣ ясны. Предметомъ судебного разбирательства были весьма разнородныя злоупотребленія служебнаго характера, допущенныя интендантскими чинами руцукскаго отряда во время войны по соглашенію съ подрядчиками, преданными также военному суду, въ качествѣ соучастниковъ должностныхъ лицъ.

Такъ какъ въ числѣ обвиняемыхъ было лицо въ генеральскомъ чинѣ (д. с. с. Макшеевъ), то Особое Присутствіе Военнаго Суда состояло исключительно изъ генераловъ, подъ предсѣдательствомъ члена главнаго военнаго суда В. К. Слущаго. Обвинителями выступили три лица военно-прокурорскаго надзора: прокуроръ баронъ Остенъ-Сакенъ и помощники его Рыльскій и Илюстровъ.

Въ числѣ защитниковъ были: покойные присяжные повѣренные В. И. Жуковский (защитникъ Пріорова и Крейера), произнесшій одну изъ лучшихъ своихъ рѣчей и тронувшій всѣхъ своею сердечною безкорыстною защитой стараго интендантскаго чиновника, бѣдняка Крейера, котораго онъ въ своей рѣчи иначе не называлъ какъ «старой, беззубой интендантской крысой», и князь А. И. Урусовъ, блистательно защитившій двухъ подрядчиковъ Вольштейна и Варшавскаго.

По поводу этой послѣдней защиты слѣдуетъ отмѣтить эпизодъ, впервые наступившій уже по открытіи судебного засѣданія и возымѣвшій эффектъ бомбы, неожиданно разорвавшейся надъ головою защиты интендантскихъ чиновниковъ. Въ числѣ вещественныхъ доказательствъ фигурировала домашняя записная книжка подрядчиковъ Варшавскаго и Вольштейна, отобранная у нихъ по обыску. Въ ней были записи о стоимости разныхъ инкриминируемыхъ подрядовъ и поставокъ и нѣкоторыя таинственныя отмѣтки карандашемъ: «за исключ. задатка—2000 р.» или «за исключ. ченіемъ %—600 р.» и т. п. Обвиненіе предполагало, что это—отмѣтки о взяткахъ, данныхъ чиновникамъ. Обвиняемые, въ томъ числѣ Варшавскій и Вольштейнъ, энергично это отрицали, говоря, что въ отмѣткахъ рѣчь идетъ о % на залоги и другіе накладные расходы. Защита гото-

вилась энергично отбросить эту шаткую улику обвиненія. Но вслѣдъ за опросомъ обвиняемыхъ объ ихъ виновности, сперва Варшавскій, а затѣмъ и Вольштейнъ «по совѣту своего защитника говорить на судѣ одну только правду» объявили громкогласно, что предположеніе обвиненія о записяхъ «взятокъ» справедливо. Они пояснили, что взятки давались исключительно «чиновникамъ» за мелкія услуги, по Макшееву и Пріорову никакихъ платежей не производилось. Чиновники остались на своемъ, и отрицали получение взятковъ.

Подрядчика Каминка съ большимъ успѣхомъ защищалъ В. М. Бобринцевъ-Пушкинъ, этотъ живописный и эффектный ораторъ, прожѣнавившій, къ сожалѣнію, съ тѣхъ поръ трибуну судебного оратора, на которой онъ имѣлъ всегда выдающійся успѣхъ, на замкнутый, дѣловой кабинетъ директора банка. Въ числѣ защитниковъ, рѣчи которыхъ имѣли также выдающееся значеніе, назовемъ еще С. П. Морголина и Л. М. Берлина и Г. А. Тиктина. Защитниками остальныхъ подсудимыхъ явились кандидаты на военно-судебныя должности.

Пренія сторонъ, отличавшіяся необычайною обстоятельностью и оживленіемъ, заняли болѣе недѣли, такъ какъ засѣданія длились лишь съ 10 часовъ утра до 5 часовъ пополудни. Печатаемая ниже рѣчь въ защиту д. с. с. Макшеева заняла почти все засѣданіе 7 Апрѣля. Она продолжалась отъ 11 ч. 30 м. до 5 ч. 25 м. дня, включая два небольшихъ перерыва.

Еще одно предварительное сообщеніе.

Общественное мнѣніе, насколько оно выражается нашею повседневною печатью, было крайне возбуждено противъ главнаго обвиняемаго д. с. с. Макшеева. Задолго до начала разбора дѣла появлялись въ печати весьма рѣзкія нападки не только на его прошлую дѣятельность, но и на его личность. Высказывалась увѣренность, что едва-ли найдется защитникъ, который согласится защищать лицо, вина котораго столь вопіюща. Чтобы противодѣйствовать одностороннему освѣщенію въ печати предстоящаго процесса, В. П. Макшеевъ, въ компаніи съ другимъ лицомъ, сталъ издавать свою собственную ежедневную газету «Эхо». Но это подлило только масла въ огонь.

Можно смѣло утверждать, что защита д. с. с. Макшеева прошла подъ дружный аккомпаниментъ неодобрительнаго шипѣнія и свиста всей нашей ежедневной печати.

Многіе считали необходимымъ сдѣлать и это послѣднее указаніе, — иначе многіе тѣста печатаемой рѣчи остались бы непонятными.

Рѣчь въ защиту В. П. Макшеева.

Гг. военные судьи!

Выступая передъ вами защитникомъ того изъ обвиняемыхъ, который, втеченіе долгихъ дней истомившаго насъ всѣхъ процесса, служилъ безсмысленною мишенью для всевозможныхъ нападокъ и обличеній, того изъ обвиняемыхъ,

который втеченіе судебного слѣдствія былъ центромъ не только своихъ собственныхъ, но и чужихъ упущеній, того изъ обвиняемыхъ, личность котораго предавалась открытому поруганію подчасъ съ ссылками на подлежащія статьи закона, иногда же вовсе безъ такихъ ссылокъ; того, наконецъ, самое имя котораго въ устахъ обвинителей превратилось въ улику и одно упоминаніе котораго, рядомъ съ указаніемъ на болѣе или менѣе отдаленныя мѣста Сибири, поднимало въ груди обвинителей страстный, зловѣщій шепотъ, — мнѣ казалось, было бы естественно, даже и не въ видѣ банальнаго ораторскаго приѣма, сослаться на трудность предстоящей мнѣ задачи. Такое вступленіе казалось бы даже неизбѣжнымъ въ виду того торжественнаго заявленія, которое вы слышали съ высоты прокурорской трибуны, о томъ, что приговоръ вашъ заранѣе извѣстенъ обвинителю. Еслибы я повѣрилъ обвинителю, мнѣ оставалось бы признать себя уже побѣжденнымъ, и вмѣсто всякой защиты, возгласивъ предъ вами: „да свершится правосудіе!“ оставить мѣсто защитника и покинуть залу суда. Да, я долженъ бы былъ такъ поступить, еслибы хотя на минуту допустилъ мысль, что вы захотите усвоить себѣ приѣмы прокурора: наказать Макшеева на основаніи принциповъ уложенія царя Алексѣя Михайловича: „дабы другимъ не повадно было“, обвинить Макшеева ради реабилитаціи интендантскаго вѣдомства и исправленія всей системы нашего военнаго хозяйства.

Но систему не исправляютъ на спинѣ живого человѣка, а человѣка, преданнаго суду, къ счастью, не судятъ теперь „съ пристрастіемъ“, на основаніи стародавнихъ, отжившихъ свой вѣкъ законовъ. Если онъ виновенъ, его судятъ и могутъ осудить, но судятъ со всѣми гарантіями, какія даютъ законы человѣческой справедливости, со всею осторожностью, которую диктуютъ намъ чувства правды и гуманности. Я думаю, что вы пойдете этимъ послѣднимъ путемъ. А если пойдете, то защитѣ нечего отчаяваться: ея положеніе не безнадежно! Она пришла сюда не обълять г. Макшеева, не отражать нападки на его личность и даже не „воздавать“ обвиненію, — она пришла бороться съ обвиненіемъ.

Если я говорю: „бороться съ обвиненіемъ“, я разумѣю исключительно борьбу на почвѣ того судебного матеріала, который прошелъ здѣсь передъ вами. Не уличная молва, брошенная вамъ въ качествѣ улики на столь вещественныхъ доказательствахъ, не слухи, не инсинуаціи, не „взглядъ и нѣчто“, а факты, фактыпровѣренныя, доказанныя и несомнѣнные,—вотъ, что должно составить матеріаль того логическаго вывода, которымъ долженъ быть вашъ приговоръ.

Но и въ такой борьбѣ на сторонѣ обвиненія преимущество громадное... Вы заслушали со вниманіемъ трехъ представителей обвиненія въ ихъ обстоятельныхъ и пространныхъ объясненіяхъ... Въ началѣ процесса, ранѣе вы уже заслушали въ нѣсколькихъ томахъ закрѣпленные, систематически изложенные доводы и выводы того же обвиненія. Такимъ образомъ, отъ первой стадіи процесса и вплоть до настоящей минуты, когда, наконецъ, настало время сказать первое слово защитѣ, обвиненіе указывало вамъ дорогу, оно одно руководило вами.

Преимущество это даровано ему самимъ закономъ. Въ теченіе 4-хъ лѣтъ слѣдствія собирались матеріалы по указанію и желанію обвинителей. Обвиненіе выступаетъ передъ вами съ заранѣе готовою программю. Вся его дѣятельность здѣсь на судѣ заключалась лишь въ томъ, чтобы эту заранѣе начертанную, программу оправдать заранѣе же извѣстными и отчасти ею же добытыми данными. Обвиненіе развертываетъ передъ вами готовую картину, въ которой вся черная работа сдѣлана невидимыми усиліями, размѣры и контуры главныхъ фигуръ пригнаны и расположены правильно, симметрически фонъ загрунтованъ, тѣни и краски положены, остается только выждать благопріятной минуты вдохновенія, чтобы наложить послѣднія тѣни, отдѣлать рельефно детали, бросить нѣсколько послѣднихъ штриховъ, необходимыхъ для полноты цѣлаго.

Отсюда понятно то упорство обвиненія, съ которымъ оно отстаиваетъ неприкосновенность данныхъ, выработанныхъ предварительнымъ слѣдствіемъ, желая увѣрить васъ, вопреки очевидности, что ничто не измѣнилось на судѣ, что судебное слѣдствіе не дало ничего новаго, что оно не поколебало и даже не расшатало основъ обвиненія.

Въ совершенно иное положеніе поставлена закономъ защита.

О систематическомъ ея участіи въ ходѣ предварительнаго слѣдствія, къ сожалѣнію, не можетъ быть и рѣчи. Съ ея мнѣніемъ не справляются предъ составленіемъ акта о преданіи суду. Ей принадлежитъ, правда, всегда послѣднее слово, но не забывайте, гг. судьи, что это, вмѣстѣ съ тѣмъ, только ея первое слово. Свитокъ, который она разворачиваетъ передъ вами, не готовая картина, а бѣлый холстъ, на которомъ еще ничего не начертано, ничего не нарисовано. Вся ея работа должна происходить здѣсь, у васъ на глазахъ, подъ непосредственнымъ вашимъ судейскимъ наблюденіемъ, подъ неослабнымъ контролемъ внимательнаго и строгаго критика-обвинителя. Шансы, такимъ образомъ, не равны!

Работа, предстоящая защитѣ въ такомъ громадномъ процессѣ какъ настоящій, непритворно тяжела.

Но и этимъ еще не исчерпываются ея затрудненія. Вы знаете, какая судьба постигла настоящее дѣло, по примѣру всѣхъ выдающихся процессовъ нашего времени. Ранѣе, чѣмъ вы скажете, объ обвиняемомъ свое слово, на основаніи изученнаго и провѣреннаго вами, о немъ уже говорили много, не зная вовсе дѣла, судили и вкось, и вкривь. Стало быть, даже тотъ холстъ, на которомъ защитѣ предстоитъ рисовать теперь передъ вами, не остался неприкосновеннымъ до сегодняшняго дня. Онъ носитъ на себѣ явные слѣды нечистоплотнаго посторонняго воздѣйствія.

Здѣсь, посрединѣ, гдѣ должна быть главная фигура, комъ грязи, пущенный съ размаха проходящимъ зѣвакою, пущенный такъ, зря, по тому же похвальному побужденію; по какому уличный мальчикъ пускаетъ камнемъ, чтобы добить случайно выпавшую изъ гнѣзда птицу... Рядомъ, еще болѣе вѣскій слѣдъ лягнувшаго копыта того умнаго и благороднаго животнаго, которое всегда спѣшитъ принять побѣдоносную позу спасителя отечества, лишь только сообразить, что предъ нимъ лежацій, котораго бить можно, и можно безнаказанно.

Какъ ни случаенъ весь этотъ наносный соръ въ процессѣ, съ нимъ, однако же, приходится считаться, его нужно смести. Все это безъ нужды увеличиваетъ размѣръ и безъ